

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

У.Н. гызы Алиева

диссертант, старший преподаватель кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации Бакинского славянского
университета; e-mail: bitkovskayay@inbox.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА

Данная статья посвящена специфическим проблемам переводоведения. В центре внимания стоят вопросы лингвистической основы перевода. Соответственно теории лингвистики, в художественном тексте определяются разные уровни. В процессе перевода каждый из них может быть актуализирован или же нейтрализован. На протяжении работы над переводимым материалом адекватность субституции зависит от этих факторов.

Ключевые слова: перевод, лингвистика, культурология, уровень, оригинал, текст, теория.

Переводческий дискурс включает в себя не только лингвистическую и культурологическую проблематику, но и собственно переводческую. Конечно, не всегда просто разграничить указанные области переводческих проблем, но так или иначе они дают о себе знать. В массовом сознании перевод обычно ассоциируется с художественным переводом, общие проблемы перевода при этом даже не подразумеваются. Р.О. Jakobson, как известно, выделял три вида перевода, которые, несмотря на различия типологического характера, сохраняли и общность задач. Так, он выделял внутриязыковой перевод, межъязыковой и межсемиотический перевод [Jakobson, 1985: 17]. В первом случае речь идёт о переименовании или интерпретации, когда средства одного языка заменяются средствами того же языка. Простейший случай такого перевода — это парафраза. Во втором случае речь идёт о субституции вербальных средств одного языка вербальными средствами другого языка. Наконец, в третьем случае, названном Р.О. Jakobsonом *трансмутацией*, имеется в виду передача кода естественного языка иными семиотическими системами. На наш взгляд, сюда можно отнести язык глухонемых и даже балетные постановки.

Такая постановка проблемы не проводит чётких границ между методикой или средствами перевода. Например, в случае межъязыкового перевода вполне может быть использовано одно из основных средств, или моделей, внутриязыкового перевода. Разумеется, критерием разумности такого приёма является его прагматическая логичность. Например, если в русском переводе топоним *Азербайджан* не сохраняется, а передаётся как *страна огней*, то это как раз тот случай, когда межъязыковой перевод прибегает к методике внутриязыкового. Как уже было отмечено, такое совмещение должно быть прагматически осмыслено, т.е. переводчик должен проделывать подобную операцию не механически, или ради ненужной помпезности, излишнего пафоса, а ориентируясь на достижение максимальной коммуникативной эффективности. Прагматика в данном случае совпадает с коммуникативными целями. Если использовать нарративную терминологию, то можно предположить, что переводчик в таком случае выступает самостоятельным нарратором, которого нецелесообразно смешивать с автором переводимого произведения. Таким образом, модели и участники нарративного общения увеличиваются в случае перевода художественного текста.

В переводоведении встречаются попытки увязать проблемы перевода с общесемиотической проблематикой. Так, Л.С. Бархударов говорит о связи перевода с семантикой, прагматикой и синтактикой [Бархударов, 1975: 68]. В этой связи следует отметить, что ничего необычного в этом нет. Естественно, если речь идёт о передаче определённого внеязыкового смысла, выраженного средствами одного языка, средствами другого языка, то приходится учитывать отмеченные три уровня передачи. Точнее, эти три уровня вырисовываются сами по себе. Так, уровень семантики означает передачу смысла. Уровень синтактики предполагает идентичные конфигурации, т.е. в языке перевода эквивалентное слово должно быть охвачено теми же синтаксическими, контекстными связями, что и в языке подлинника. Иными словами, подлиннику должно соответствовать не только переводимое слово, но и соответствующий контекст. Наконец, прагматический уровень требует того же уровня выразительности, прагматической силы, эффективности. Л.С. Бархударов не даёт точного определения того, что он понимает под *прагматикой*, но отмечает, что однозначного ответа на вопрос об обязательности прагматических значений нет [Бархударов, 1975: 68]. Следует отметить, что прагматические значения, как и их выделение, не должно представлять затруднений. Вообще смысл прагматики

как компонента семиотического содержания сводится к признанию у семиотических кодов воздействующей силы, или наличию силы воздействия. Любой знак так или иначе выразителен, даже те знаки, которые нам кажутся невыразительными. Прагматический эффект, на наш взгляд, непосредственно связан с коммуникативным. Все знаки языка, как и их комбинации, преследуют цель коммуникативного воздействия на адресата. Все знаки языка способны выполнять свою функцию, как номинативную, так и экспрессивную. Следовательно, вопрос о том, все или не все знаки языка обладают прагматической силой воздействия или прагматическим значением, на наш взгляд, вообще лишён смысла.

Что касается такого уровня перевода, как синтактика, то это действительно очень интересный вопрос. В структуре перевода он решается соответствием языковых конфигураций перевода языковым конфигурациям подлинника. Ясно, что этот вопрос может решаться в зависимости от предпочтений конкретного переводчика. В одном случае может воспроизводиться контекст, в лексико-семантическом и фразеологическом смысле соответствующий подлиннику. В других случаях переводчики могут позволять себе импровизации. Как раз в этом пункте задачи референциального, синтаксического и прагматического характера пересекаются. Например, если переводчик сочтёт нужным, исходя из ресурсов языка перевода, он имеет право на видоизменение исходного контекста. Критерием выступает только художественное воздействие на адресата, которым уже выступает иноязычный и инокультурный реципиент. В этом смысле вполне можно интерпретировать и замечание А. Лиловой о том, что «форма перевода зависит как от содержания, так и от формы оригинала» [Лилова, 1985: 55]. Спрашивается, а от чего же ей ещё зависеть? Видимо, от формы оригинала она зависит постольку, поскольку текст представляет собой формальное единство. Но от содержания, по всей вероятности, форма перевода зависит в первую очередь, ведь передаётся-то оно. А. Лилова говорит о таких принципах перевода, как функциональный, генетический, психологический, справедливо считая, что главная роль в создании типологии перевода принадлежит функциональному принципу. Интересно, что, говоря о психологическом принципе, Лилова имеет в виду психологию перевода в целом, не уточняя, правда, в чём она состоит [Лилова, 1985: 229]. На наш взгляд, функциональный принцип вообще достаточно сложно отграничить от психологического, особенно в такой области, как художественный перевод. Прежде всего и главным образом здесь сказывается психологи-

ская характеристика переводчика, ведь конкретные нюансы перевода художественного произведения непосредственно и в первую очередь зависят от внутреннего мира человека, взявшегося за труд представить систему образов, созданных другой личностью и при использовании другого кода, средствами совершенно иного языка. Именно от личностных особенностей зависит, что будет выделено в переводе, следовательно, функционально выделено. Сам функциональный принцип необходимо интерпретировать, верно. Видимо, речь здесь должна идти не о формальном соответствии перевода подлиннику, а именно о функциональном или функционально-семантическом соответствии.

Следует особо остановиться на таком понятии переводоведения, как «лакуна». Это явление почти неизбежно создаёт проблемы в процессе перевода. Поскольку художественный текст носит глобальный характер, его содержание имеет отношение к жизни в целом. Нет такой сферы культурной жизни народа, которая не могла бы быть представлена в пространстве художественного произведения. А поскольку национальная культура содержит специфические черты, не находящие эквивалентности в других культурах и, следовательно, в языках, то при переводе образуются так называемые лакуны, пустоты, которые достаточно сложно восполняются. В принципе они и не восполняются. Лакунарность переводов из художественной литературы в значительной степени актуализирует традиционный филологический комментарий. Проблема в том, как вводить комментирующий материал в текст перевода.

Существует два представления о лакунах. Согласно первому, лакуна — это обозначение национально-специфического феномена, который просто не знаком носителю иной культуры, следовательно, он никоим образом и не воспринимается. Второе представление о лакунах связано с особенностями лексико-семантической системы языка, когда в соответствующих парадигмах какие-то ячейки остаются незаполненными. Поиск причин таких пустот выводит исследователей на такой фактор, как историческая или историко-культурная незначительность самих экстралингвистических фактов. Такого рода лакуны очень легко выявляются при сопоставительном анализе идентичных лексико-семантических парадигм. Вызывают интерес рассуждения азербайджанских специалистов в области перевода, авторов книги «Теория и практика перевода с азербайджанского языка на русский и наоборот», Н.Д. Баширова, О.М. Годжалиева, А.Д. Гулиева, Г.М. Мухтарова. Книга на 109 страницах написана целым авторским коллективом и соответствует

целям и задачам преподавания русского языка в педагогическом институте русского языка и литературы. Авторы книги специально останавливаются на проблеме лакун и отмечают, что это слова, имеющиеся в одном языке и «отсутствующие неизвестно почему в словаре другого языка» [Баширов, Годжалиев, Гулиев, Мухтаров, 1984: 44]. В качестве примеров на лакуны из русского языка приводятся слова *сутки*, *кипяток*, *погорелец*. Обращает на себя внимание выражение «неизвестно почему». Знаковая система естественного языка складывается в результате когнитивного опыта, филогенез которого конкретно не поддаётся описанию, но вполне поддаётся логической интерпретации. Как можно объяснить, почему одно и то же слово *урод* в польском языке означает «красивый», в русском — «безобразный». Знаковая комбинаторика привела к созданию таких конкретных последовательностей звукоряда и смысловых их ассоциаций.

Лакуны, чаще всего, особенно на современном этапе общечеловеческой культуры, заполняются за счёт заимствований. Причём в таких случаях, как правило, работает глубинный семиотический механизм обозначения единой вещи единым же знаком. В теории языка это обычно расценивается как приведение означающего в соответствие с означаемым. Например, в соответствии с этим законом в русском языке появилось слово *мотель* в значении «гостиница для автотуристов». Таким образом, лакуны как пустоты в лексико-семантических парадигмах легко заполняются путём заимствования. При этом перевод, особенно художественный, вполне может оказаться в авангарде восполнения парадигм или заполнения лакун. Например, переводчик может и сам использовать иноязычное слово, если оно удачно заполняет существующую в языке перевода лакуну. Достаточно вспомнить деятельность А.С. Пушкина по такого рода обогащению лексического фонда русского языка.

Возвращаясь к высказыванию азербайджанских учёных относительно сущности лакун, необходимо отметить, что приводимые ими из русского и азербайджанского языков примеры не соотносительны. Интересно, что в русском языке в значении «сутки» чаще всего употребляется слово *день*, а не *сутки*. Ещё интереснее обстоит дело в английском языке, где в том же значении употребляется слово *day*. Если же возникает необходимость полного соответствия семеме «сутки», то англичане говорят просто *24 hours*. Так что думать о том, что по *неизвестной причине* образуются лакуны, на наш взгляд, не целесообразно. Более того, в переводческой теории и практике этот вопрос вообще лишён смысла. Подлинными лакунами, безусловно, являются названия экзотических реалий. Точнее, называть их лаку-

нами, видимо, не совсем верно. Скорее они служат причиной лакун при общении или в переводе. Также реальными лакунами являются, как было отмечено выше, пустоты в лексико-семантических парадигмах сравниваемых языков. Вне сравнения с иными языками и культурами, как правило, лакуны не обнаруживаются.

Р.К. Миньяр-Белоручев фиксирует внимание на знакомстве с ситуацией, подчёркивая такой важный момент, как понятность и в силу этого возможная недосказанность [Миньяр-Белоручев, 1999: 19]. О. Бальзак в разных произведениях всё время говорил о том, что никто не может, подслушав, понять разговор двух парижан, потому что парижане говорят полунамёками. Обратим внимание: даже не намёками, а полунамёками. На наш взгляд, Миньяр-Белоручев говорит о том же, но в иной плоскости. Полунамёки или намёки оригинала не могут быть намёками в переводе, просто потому что эти намёки будут не поняты. Но при желании сохранить стилистические особенности подлинника, в данном случае намёки и полунамёки, переводчик может использовать это как приём. Вопрос в том, насколько характерны будут эти намёки для культуры языка перевода. Если эта особенность отличает парижан, следовательно, она не совсем обычна. В этом случае в переводе соответствующие субституты могут производить впечатление искусственно подогнанных. Интересно, что Л.К. Латышев говорит о данной проблеме как о чём-то, что само собой разумеется. Например, в книге, посвящённой проблемам теории и практики перевода, он отмечает, что среди барьеров, которые преодолевают участники двуязычной коммуникации, самым главным является лингвоэтнический барьер [Латышев, 2001: 17]. Очень интересно, о каком другом барьере вообще может ещё идти речь. Термин *лингвоэтнический* в структурно-семантическом отношении распадается на две части, обозначающие соответственно язык и этнос. Языковой барьер даже не требует упоминания, поскольку без знания другого языка такой межкультурный диалог просто невозможен. Что касается этнического барьера, то он также вполне понятен, но он может и должен упоминаться, поскольку возможны случаи, когда различия в этническом миропонимании и объяснении будут или игнорироваться, или останутся просто не прочитанными, не востребованными. На наш взгляд, проблема недосказанности или недописанности, о которой говорит Р.К. Миньяр-Белоручев, пересекается с представлениями о барьерах в интерпретации Л.К. Латышева. По большому счёту лингвоэтнический барьер конкретизируется в недосказанности, в том, что переводчик или иноязычный читатель должен восстанавливать прежде всего

денотат речевой ситуации, описанной в произведении. В принципе любой художественный текст строится на недосказанности (недописанности), поскольку он рассчитан на понимание. Писатель пишет для того, кто его способен понять. Для представителя своей нации, своего города, своей профессии, своих вкусов, своего понимания жизни и отношения к ней. Писателю нужно сочувствие читателя, он ищет солидарности. Писатель имеет в виду человека, который поймёт его с полуслова, в этом вся прелесть художественного текста. Если он будет исходить из того, что его могут не понять, и будет разжёвывать каждое слово, смысл просто затеряется в словоблудии. Что же касается художественности, то в этом случае о ней можно забыть. Таким образом, правомерно говорить о недосказанности как важнейшей особенности художественного текста. Следовательно, если недосказанность является фундаментальным художественным принципом, то важнейшей задачей, которую решает переводчик, является как раз восполнение имплицитной информации. Важно также понять, что имплицитная информация может быть самой разной. Она носит характер конфигурации смысла, но может иметь отношение или к значению текста, или к его стилистике, или к глобальному или даже глобальному вертикальному контексту. Ясно, что восполнить такого рода недосказанность оригинала достаточно сложно. Однако, на наш взгляд, проблема даже не столько в том, чтобы восполнить эту информацию, а в том, что она в подавляющем большинстве случаев остаётся непрочитанной теми людьми, которые берутся за переводы художественных произведений. Дело в том, что имплицитная информация просто не эксплицируется в процессе прочтения. Она остаётся невостребованной. В этом случае справедливо провести параллель и с родной литературой. Произведения, написанные сто и более лет назад на родном для читателя языке, не прочитываются на глубинном имплицитном уровне в силу незнакомости актуальных для текста реалий. Это может быть ирония, объект которой утратил для нас актуальность, поскольку давным-давно утрачена реалья. Это может быть намёк на что-то, что нам совершенно не известно. Например, журнал «Молла-Насреддин», издававшийся в начале прошлого столетия и ставивший своей целью изобличение социального зла, сегодня во многом не понятен, поскольку нет самих фактов, о которых говорили журналисты тех лет. Таким образом, непрочитанность не является исключительной особенностью иноязычного текста, с этой проблемой сталкиваются не только переводчики. Если представить себе тот факт, что смысл текста носит мозаичный характер,

то легко понять зависимость смысла целого от смысла частей. Если какая-то часть языковой или лингво-культурной конфигурации не эксплицируется, закономерным результатом является распадение структуры целого. Читатель, как правило, создаёт себе иллюзию понимания, на самом же деле о глубине понимания и речи быть не может. Следует также учитывать, что «глубина понимания» означает «понимание» вообще.

Совершенно противоположного мнения по этому поводу придерживаются С. Влахов и С. Флорин. Они однозначно и категорически отвергают рассуждения о непереводаемости в целом [Влахов, Флорин, 1980: 6]. Причём, по их мнению, представления о непереводаемости или, как они говорят, «теория непереводаемости» отвергается самой переводческой практикой. На наш взгляд, ссылаться на переводческую практику представляет собой сомнительный аргумент, поскольку существование переводов ещё не означает их удовлетворительности. Кроме того, чрезвычайно сложно соотносить перевод с оригиналом в плане адекватности, а если так, то что означает фраза о том, что «непереводаемость отвергается самой практикой перевода». Да, конечно, на русский язык в связи с программой культурной революции была переведена, можно сказать, вся мировая классика. Но при этом почти бездоказательным остаётся предположение о том, что эти переводы, пусть очень талантливые, соответствуют оригиналу. Тот факт, что Шекспир переведён на русский язык талантливыми переводчиками, вовсе не означает, что Шекспир на английском и на русском это одно и то же по степени талантливости. В истории человеческой культуры были гении, которых по масштабу дарования невозможно сравнивать с кем-то другим. Это единицы, стоящие на литературном Олимпе, но как раз в этом случае актуален вопрос о непереводаемости. Конечно, можно говорить всего лишь о передаче общего смысла и в сносной форме, но если так, то насколько правомерно вообще говорить о переводе и, что самое главное, о том, что переводческая практика опровергает тезис о непереводаемости.

С другой стороны, как раз переводческая практика говорит о том, что степень таланта переводчика самым серьёзным образом сказывается на неповторимости уже самого перевода как оригинального художественного произведения. Например, переводы М.Ю. Лермонтова из Гёте прекрасны сами по себе как творение великого поэта. Насколько правомерно называть такого рода оригинальные художественные произведения переводами? Интересную особенность художественного перевода отмечает Н.К. Гарбовский. Он

говорит о том, что непосредственному наблюдению и оценке при анализе переводческой деятельности поддаётся только текст оригинала и текст перевода. Поэтому все наши выводы о конкретном переводе основаны на сопоставительном анализе подлинника и перевода, сама же интеллектуальная деятельность переводчика и её механизм остаются непознанными [Гарбовский, 2007: 215]. Нам представляется, что именно этим обстоятельством обусловлена критика адептами того или иного перевода и переводчика. Как правило, выступая в защиту перевода, они выдвигают один аргумент, по их мнению, очень важный. Критики перевода, с одной стороны, не предлагают собственных вариантов перевода того же произведения, с другой стороны, не знают и не могут знать мотивов переводчика, обусловивших выбор той или иной формы. Следует учитывать, что аналитические исследования в области переводоведения строятся на критическом материале. Н.К. Гарбовский абсолютно прав, что научному анализу поддаются исключительно данные подлинника и перевода, что и делает теорию перевода сопоставительной дисциплиной [Там же]. А что же делать специалисту, который ставит перед собой цель выяснить, насколько хорош перевод? Он только и может сопоставлять подлинник с оригиналом. Естественно, все его замечания будут строиться на несоответствии этих текстов или их фрагментов.

Н.К. Гарбовский справедливо полагает, что перевод как система носит иерархический характер. В соответствии с этим, он литературный перевод рассматривает как подсистему в общей системе литературного творчества, а перевод научной литературы Гарбовский считает фрагментом системы обмена научной информацией [Там же: 235]. На наш взгляд, при таком анализе налицо некоторое смещение акцентов. Так, совершенно верно, что перевод научной литературы есть не что иное, как обмен научной информацией. Но если следовать логике, определяющей литературный перевод как подсистему в системе литературного творчества, то и научный перевод необходимо считать подсистемой в общей системе научного творчества. Можно было бы подумать, что это одно и то же, но, на наш взгляд, обмен научной информацией и научное творчество — это всё же не идентичные виды творческой деятельности. Или возможен обратный вариант, когда нам придётся и литературно-художественный перевод считать не видом литературно-художественного творчества, а своего рода обменом информацией. Ведь тут в принципе делается попытка создать впечатление о творчестве другого человека. Хотя совершенно очевидно в таком случае суще-

ственное различие между научным и литературно-художественным творчеством. Дело в том, что переводчик научного труда абсолютно ничего от себя не добавляет, а средствами иного кода передаёт систему идей чужого человека. Совсем иная ситуация складывается в процессе литературно-художественного перевода. Здесь мы имеем дело именно с творчеством переводчика, что и делает перевод (несмотря на то, что это перевод чужого произведения) самостоятельным произведением. Суть различия, на наш взгляд, связана с тем, что литературное произведение как таковое носит словесный характер, зависит от слов, от языка, от мастерства в использовании языкового материала, поэтому перевод и представляет собой особую сферу творчества. В плане же творчества оно отличается только тем, что идейно-тематическая платформа не является результатом творчества переводчика. Что касается художественных особенностей, системы изобразительных средств, то они только навеяны оригиналом. На самом деле они полностью являются результатом самостоятельного творчества переводчика, потому что он работает с совершенно иным языковым материалом. Даже учёт того обстоятельства, что работа переводчика «вдохновлена» подлинником, не отрицает самостоятельности переводческой работы. Не случайно больших писателей называют *мастерами слова*. Такими же мастерами слова являются и хорошие переводчики.

В книге Н.К. Гарбовского обсуждается также интересный вопрос о семиотической природе перевода. Ссылаясь на А.Д. Швейцера, он говорит о том, что не разделяет его «осторожную» позицию в вопросе об использовании семиотических категорий в переводоведении [Там же: 246]. Нам представляется, что позиция А.Д. Швейцера по этому вопросу заслуживает большего внимания. Хотя и сам Гарбовский отмечает, что абсолютизация семиотического принципа, как и лингвистического, ничего положительного теории перевода не даёт и дать не может. Но при этом он все же сочувственно относится к семиотической основе переводоведения. При этом он обращается к авторитету Ч. Морриса, утверждавшего, что семиотика представляет собой инструмент для других наук [Там же: 247]. Это совершенно бесспорно, особенно если учитывать то обстоятельство, что мы живём в знаковом пространстве. Человеческая культура в любых её проявлениях носит знаковый характер.

На наш взгляд, А.Д. Швейцер осторожно относился к использованию категорий семиотики в теории перевода только из желания избежать формализации творческого процесса перевода. Семиотика сродни математике, семиотический уровень анализа предполагает

высокую степень формализации. В то же время перевод художественной литературы максимально отдаляется от формализации уже на уровне отбора единиц. Дело как раз в том, что выбор единиц текста не поддаётся формальной субституции. Формальные словарные лексические эквиваленты двух языков не всегда оказываются эквивалентами при переводе художественного произведения. Это происходит по той причине, что перевод литературного произведения имеет дело не только со смыслом, но и с системой художественных образов. Следовательно, при таком переводе огромное значение приобретает характер и объём экспрессии, а это почти не поддаётся формально-семиотическому описанию.

В этой связи уместно вспомнить и такое явление, как авторский перевод. Р.М. Манафоглу, долгие годы специально занимавшийся авторским переводом в Азербайджане, утверждает, что писатель при переводе собственного произведения на другой язык, фактически создаёт новое произведение [Манафоглу, 1997: 57]. Это очень важное положение, особенно если экстраполировать его на перевод вообще, т.е. выполняемый не автором произведения, а посторонним человеком. Если даже автору не удастся перевести текст, и он вынужден создавать новое произведение, то понятно, что переводчику только кажется, что он выполнил перевод. Более того, хорошим переводом, по всей вероятности, считается именно результат подлинного творчества. Но именно такое творчество свидетельствует о самостоятельной ценности перевода. Если автор, переводя собственное произведение, создаёт новое, то переводчик тем более создаёт новое произведение. Сложность художественного перевода в этом и заключается. Если переводчик старается во всем следовать подлиннику, то он переводит механически. В этом случае, как правило, удачного перевода не получается. Если же он достаточно талантлив, чтобы действовать самостоятельно, то в этом случае он обязательно импровизирует, в чем его невозможно обвинить. Б.Н. Климзо указывает в этой связи на одну особенность английского языка, которая, на наш взгляд, распространяется на все языки. Ссылаясь на американского исследователя языка технической литературы Дж. Чаплайна, он отмечает, что английский язык «обладает дьявольской способностью говорить не то, что собирался сказать автор» [Климзо, 2006: 143]. Если обращаться с английским языком неумело, то он теряет всякий смысл. При этом Б.Н. Климзо считает, что чаще всего именно так и обстоит дело. Как уже было отмечено, можно считать, что эта особенность характеризует не только английский язык, но и все языки мира. Просто нам кажется,

что перевод выполнен, но не совсем удачно. На самом же деле перевода нет. Особенно актуальна эта ситуация в случае художественного перевода. Степень отдаления от подлинника, таким образом, зависит от очень многих причин. Результаты в свою очередь также различны, а крайним полюсом является очевидная бессмыслица. Ф.Ч. Рзаев использует такой термин, как *интерпретация*. Он считает, что «действительно, работа переводчика является интерпретацией текста оригинала» [Рзаев, 2011: 20]. Причину учёный видит в образности и многозначности художественного текста. В этой связи следует отметить, что, если интерпретация является закономерной реакцией на многозначность текста, то она в свою очередь является снятием многозначности. Иными словами, если многозначность предполагает несколько смыслов, а адресат интерпретирует текст, то это означает, что он из многих смыслов выбирает один.

Подводя итоги проведённому анализу, можно отметить, прежде всего, многогранность как самого переводческого процесса, так и его оценок. Опыт анализа конкретных переводов свидетельствует о том, что оценки обычно базируются на одностороннем подходе к переводческому труду. Кроме того, анализ переводов ведётся в основном по пути поиска неверной передачи смысла отдельных слов или предложений. Но такого рода ошибки, как правило, связаны с элементарным незнанием или плохим знанием языка подлинника. Они являются ошибками семантического порядка. Более сложными являются ошибки стилистического характера, обусловленные плохим чувством окраски или социальной принадлежности языковых средств. Не секрет, что даже в своём родном языке говорящие и пишущие не всегда чувствуют стилистических нюансов. Уровень стилистической дифференциации представляет собой достаточно высокий уровень владения языком, поэтому стилистические ошибки встречаются часто. Ещё более высокий барьер составляют культурные и культурно-исторические факты. Незнание так называемого вертикального контекста очень часто становится причиной неправильного перевода.

Наверно, дискуссии вокруг главной цели художественного перевода не прекратятся и в будущем. Как показывает анализ литературы вопроса, в этой области существуют как объективные, так и субъективные причины. Исторически переводы фундаментальных текстов повлияли на развитие языков мира существенным образом. Но так или иначе, перевод и сегодня в современном мире остаётся очень большим звеном в процессе взаимообогащения и взаимодействия, и литератур, и культур.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975, 240 с.
- Баширов Н.Д.* Теория и практика перевода с азербайджанского языка на русский и наоборот / Н.Д. Баширов, О.М. Годжалиев, А.Д. Гулиев, Г.М. Мухтаров. Баку: 1984, 109 с.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М.: Международные отношения, 1980, 341 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: МГУ, 2007, 544 с.
- Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. М.: Р. Валент, 2006, 508 с.
- Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001, 280 с.
- Лилова А.* Введение в общую теорию перевода. М.: Высшая школа, 1985, 256 с.
- Манафоглу Р.* История авторского перевода в Азербайджане. Баку: Мутарджим, 1997, 115 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999, 176 с.
- Рзаев Ч.Ф.* Проблемы перевода прозы Л.Н. Толстого на азербайджанский язык: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Бакинский славянский университет. Баку, 2011, 69 с.
- Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода // В кн.: Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.

Husniya N. Aliyeva,

Postgraduate Student, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Baku Slavic University, Azerbaijan; e-mail: bitkovskayay@inbox.ru

SPECIAL ASPECTS OF TRANSLATION

The article deals with various translation problems. The author's focus is on the linguistic bases for the translation process. According to language theories, several levels are distinguished in a literary text. In the process of translation each of those can be either activated or neutralized. The adequacy of substitution depends on these factors.

Key words: translation, linguistics, cultural studies, level, original, text, theory.

References

- Barhudarov L.S.* Yazik i perevod [Language and translation]. Moscow: Mezhdunarodny otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).

Bashirov N.D. Teoriya i praktika perevoda s azerbaydzhanskogo yazyika na russkiy i naoborot [Theory and practice of translation from Azerbaijani into Russian and vice versa]. N.D. Bashirov, O.M. Godzhaliev, A.D. Guliev, G.M. Muhtarov. Baku: 1984, 109 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda [Translation theory]. Moscow: MGU, 2007, 544 p. (In Russian).

Klimzo B.N. Remeslo tehnikeskogo perevodchika [Craft technical translator]. Moscow: R. Valent, 2006, 508 p. (In Russian).

Latyishev L.K. Tehnologiya perevoda [Translation technology]. Moscow: NVI-TEZAUROS, 2001, 280 p. (In Russian).

Lilova A. Vvedenie v obschuyu teoriyu perevoda [Introduction to the general theory of translation]. Moscow: Vysshaya shkola, 1985, 256 p. (In Russian).

Manafoglu R. Istoriya avtorskogo perevoda v Azerbaydzhane [The history of the author's translation in Azerbaijan]. Baku: Mutardzhim, 1997. 115 p. (In Russian).

Minyar-Beloruchev R.K. Kak stat perevodchikom? [How to become a translator?] Moscow: Gotika, 1999, 176 p. (In Russian).

Rzaev Ch.F. Problemy perevoda prozy L.N. Tolstogo na azerbaydzhanskiy yazyik [Problems of translation of the prose of L.N. Tolstoy into the Azerbaijani language]: extended abstract of Doktor's thesis filol. nauk. Bakinskiy slavyanskiy universitet. Baku, 2011. 69 p. (In Russian).

Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. S. Vlahov, S. Florin. Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1980, 341 p. (In Russian).

Yakobson R.O. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [About linguistic aspects of translation]. V kn.: Yakobson R.O. Izbrannyye raboty. Moscow: Progress, 1985, pp. 361–368 (In Russian).